
ИМПЕРИИ И ПЕРИФЕРИИ

УДК 94(47).07-08

**СТАРОЕ И НОВОЕ В ЖИЗНИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА
В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

И. Т. Шатохин, А. А. Титова
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

I. T. Shatokhin, A. A. Titova
Belgorod National
Research University

Аннотация. В условиях капиталистической модернизации России второй половины XIX века губернское и уездное чиновничество исполняло роль посредника между высшими эшелонами власти и народом, доводя до последнего законы и приспособлявая их к местным условиям жизни. В это время под влиянием буржуазных реформ стал складываться тип «современного» чиновника, представлявшего формирующееся правовое (правомерное) государство. Модернизовавшееся российское общество в середине XIX века сделало запрос государству на новый, отвечающий вызовам времени управленческий корпус. Трансформация дореформенного коррумпированного, малообразованного, социально замкнутого чиновничества российской провинции в веберовскую рациональную бюрократию нового времени не успело завершиться до конца имперского периода. Бюрократия медленно и с трудом освобождалась от многих своих пороков предшествовавшей эпохи, что было естественным и объяснимым явлением. Однако существенные изменения произошли: были сняты сословные ограничения на доступ в эту среду, выросли профессионализация и специализация труда коронных управленцев в провинции, изменились социокультурные ценности и запросы чиновничества.

Ключевые слова: провинциальное чиновничество, буржуазная модернизация, социально-профессиональная характеристика, социальный статус, карьера, коррупция, повседневность.

E-mail: shatohin[at]bsu.edu.ru

Copyright: © 2015 Шатохин, Титова. Данная статья публикуется онлайн в сетевом научном журнале открытого доступа "Tractus aevorum" на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять эту работу с обязательным указанием ссылок на ее авторов и оригинальную публикацию.

THE NEW AND THE OLD IN THE LIFE OF PROVINCIAL OFFICIALDOM DURING BOURGEOIS MODERNIZATION OF THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract. During Russia's capitalist modernization in the second half of the nineteenth century, *guberniia* and *uezd* officialdom acted as an intermediary between the top echelons of power and the people, bringing the legislature to the latter and adapting it to local conditions. At the same time, bourgeois reforms created a "modern" official who was to represent the looming rule of law state (*pravomernoe gosudarstvo*). A modernizing Russian society demanded an updated administration. The transformation of the corrupt, poorly-educated, and socially self-contained pre-reform Russian provincial officialdom into a modern Weberian rational bureaucracy was never completed in the imperial period. It naturally took time and effort for the bureaucracy to slowly divest itself of many of these earlier flaws. Still, a number of significant changes occurred, including an end to estate limitations, a growth in professionalization and specialization of provincial Crown officials, and shifts in the socio-cultural values and needs of the officialdom.

Keywords: provincial officialdom, bourgeois modernization, socio-professional characteristic, social status, carrier, corruption, everyday life.

Модернизация Российской империи второй половины XIX – начала XX века не могла не затронуть провинциальное чиновничество, так как это был тот социальный слой российского общества, который и должен был реализовывать инициированные монархом и управленческой элитой преобразования. Поэтому рассматривать эволюцию статуса и повседневных служебных и внеслужебных практик провинциальной бюрократии следует, учитывая борьбу «должного», «законом установленного» и «обыденного», «традиционного». Под «должным» мы по-

нимаем сложившийся под воздействием закона статус государева слуги, должно ревностно исполнять правительственную политику. «Обыденное» складывалось из сословных и профессиональных, корпоративных традиций провинциальной бюрократии в целом и отдельных её страт, предполагавших прежде всего реализацию личных и групповых интересов, сохранение своего статус-кво в обществе.

В этот период происходило расширение системы органов государственной власти, что сопровождалось ростом чиновничества как особого социального слоя, состоявшего на государственной службе, имевшего классный чин и наделенного рядом прав и преимуществ. От всех других социальных слоев и групп, общественных классов бюрократия отличалась рядом специфических правовых черт: четкими иерархически построенными социальными ролями, стремлением к единообразному толкованию административных норм. Данная социальная группа имела не только в столицах, но и в провинции «силу великую», и уже в то время чиновничество являлось межсословной общностью, отражало определенные эволюционные процессы сословного строя.

Само формирование бюрократии как особой группы, наделенной рядом прав и преимуществ, было связано с возникновением в 1722 г. Табели о рангах, регламентировавшей чинопроизводство государственных служащих до революционных потрясений 1917 г. Поступление на службу в гражданское ведомство определялось тремя основополагающими условиями: сословным происхождением, возрастом, уровнем образования.

По «праву происхождения» вступать в гражданскую службу разрешалось детям потомственных и личных дворян, детям священников и диаконов, как православного, так и униатского вероисповедания, детям протестантских пасторов и купцов первой гильдии, а также детям офицеров и чиновников, получившим личное почетное гражданство. Помимо этих категорий, разрешалось поступать на службу детям приказных служителей (Дрыгина 2010, 15).

Еще одним ограничением был возраст претендентов на службу в коронных учреждениях. Долгое время в России не было установленного законом нижнего возрастного предела, что влекло за собой различные казусы в выслуге лет. В 30-х гг. XIX в. правительство ввело нижний возрастной порог для приема на службу – 14 лет, при этом делалась оговорка, что действительная служба начиналась только с 16 лет (Писарькова 1995, 125). Для занятия некоторых должностей, особенно начальствующих, устанавливался возрастной порог в 21 год, 25 и даже 35 лет (Архипова, Румянцева, Сенин 1999, 115). В дальнейшем этот общий нижний порог поступления на государственную службу прочно вошел в законо-

дательство.¹ Таким образом, возраст поступления на службу был обусловлен возрастом служебной публичной дееспособности.

Для того, чтобы занять очередную должность и получить следующий чин, чиновнику необходимо было иметь соответствующий этому статус, зависящий от выслуги лет, компетентности или образовательного уровня, позитивного мнения непосредственного начальства. Каждый из чинов Табели о рангах – это титул чиновника, который устанавливал для него соответствующие статусу чина юридические последствия личного и имущественного характера. Во второй четверти XIX века государство попыталось сформировать образованный, преимущественно дворянский, состав чиновничьего корпуса, вводя преференции для служебного продвижения дворян и препоны (в виде увеличенных сроков выслуги в чинах) для недворян. Однако нежелание значительной части поместных дворян пополнять коронные присутственные места в провинции и, как следствие, большое количество вакантных чиновничьих мест вынудили правительство уравнивать сроки выслуги для представителей всех сословных групп, имевших право на государственную службу. Это касалось как получения канцелярскими служащими первого классного чина, так и дальнейшего служебного продвижения (Шепелев 1991, 126–127).

Уровень образования в рассматриваемый период формально не имел решающего значения для занятия той или иной должности в аппарате государственного управления и карьерного успеха. Даже на рубеже XIX–XX вв. для поступления на государственную службу было вполне достаточно иметь свидетельство об окончании уездного училища или выдержать экзамен в объеме учебной программы этого учебного заведения (Мельников, Нечипоренко 2003, 78). Однако в условиях модернизационного развития страны во второй половине XIX в. уровень образования выходит на первый план в числе факторов, определяющих карьеру чиновника.

Значительное усложнение административной системы, развитие техники и инфраструктуры делали необходимым существование управленцев-профессионалов, новых категорий служащих с большим объемом специальных знаний и практических навыков. Соответственно, требования, предъявляемые чиновникам как на уровне практики, так и в законодательстве в течение пореформенного периода постепенно растут, все больше внимания уделяется образованности государственных служащих. К примеру, помимо опыта и честности, государственный служащий должен был проявлять должную компетентность, подкрепленную образованием. От образования во многом зависели перспективы карьерного роста и уровень жалования (Пак 2006, 29). Еще в первой половине XIX в., по расчетам Б. Н. Миронова, карьера

---

¹ Устав о службе по определению от Правительства. Ст. 14.

чиновника приблизительно на 31 % зависела от образования, на 18 % – от социального происхождения, на 12 % – от богатства, на 39 % – от прочих факторов (Миронов 1990, 141).

Модернизация общества и рост требований к профессионализму чиновников обусловили заметное стремление последних к получению образования. Прекрасный пример, подтверждающий это, мы находим в воспоминаниях С. А. Туника (1892–1964). Сын офицера и мелкого помещика, окончив гимназию в городе Короче Курской губернии, а в 1915 г. – юридический факультет Харьковского университета, он поступает на службу в банк. Вот как С. А. Туник планировал свою дальнейшую жизнь и карьеру: «Я поступаю в харьковское отделение Русско-Азиатского банка на службу и одновременно зачисляюсь вольнослушателем на третий курс харьковского Коммерческого института. В банке уже все было подготовлено – на первое время жалование три с половиной тысячи рублей в год, а по ознакомлению с делами – “прибавочка”. В банке было мало служащих с высшим образованием, и поэтому я для них представлял интерес. С экономическим отделением института тоже дело обстояло просто... я мог, почти шутя, заработать еще один знак высшего учебного заведения. В тогдашней России это имело громадное значение. В банке мне уже было обещано, что по окончании института я получаю место одного из доверенных банка. Это пахло пятью тысячами в месяц² на первое время... В дальнейшем я собирался откомандироваться на пару лет на Дальний Восток, где протекала главная работа этого банка, после этого мог уже рассчитывать на место директора банка в каком-нибудь городе вроде Харькова. Жалования платились немалые. Это теперь все выглядит неправдоподобно, но тогда было обыкновенным делом для человека с двумя дипломами и соответствующими знакомствами» (Туник 2010, 163–164). События 1914 года и последующих лет сделали эти планы несбыточными. Однако это были не фантазии, автор мыслил в категориях и реалиях своего времени. Примеры подобных карьер ему были известны наверняка, и не только в практике коммерческих банков.

Наиболее высокими конкурентными преимуществами обладали выпускники высших учебных заведений, особенно специальных вузов, в своей профессиональной сфере. Стремление выпускников высших учебных заведений поступить на государственную службу было обусловлено рядом льготных условий. Они начинали службу сразу с чинов X–IX классов. Привлекательными были также перспектива последовательного служебного продвижения по выслуге лет, законодательное обеспечение повышения в чинах, престижность статуса государствен-

---

² Скорее всего, автор имел в виду жалование в пять тысяч за год. В Имперской России было принято считать заработную плату из расчета годовой ставки, да и указанная сумма по тем временам не соответствует действительности.

ного служащего, достаточно высокое материальное содержание для классных чиновников, а также гарантированное пенсионное обеспечение (Мельников, Нечипоренко 2003, 81-82). Окончившие гимназию с особым отличием и награжденные при этом золотой или серебряной медалью, а также студенты духовных семинарий принимались на службу с чином XIV класса Табели о рангах.

Пройдя курс обучения в гимназиях или высших учебных заведениях и получив соответствующее свидетельство, лица, которые не имели права поступления на государственную службу, принимались на нее без учета их социального происхождения. Такая возможность была закреплена в 1857 г. в «Уставе о гражданской службе», входившем в третий том «Свода законов Российской империи», где также были распоряданы все служебные обязанности чиновников, порядок поступления на службу и увольнения с нее, производство в чины, награды, пенсии, мундиры и некоторые привилегии этой профессии. Несмотря на прописанные ограничения в поступлении на гражданскую службу, в статье 5 Устава делаются исключения для лиц, «1) когда кто из них по месту воспитания своего приобретет право на классный чин, или вообще окончит курс учения в таком заведении, из которого, на основании сего Устава (ст. 88-351), дозволено принимать в службу независимо от рода и знания; 2) когда кто приобретет, узаконенным порядком, ученую или академическую степень».³

Это был первый существенный шаг к полному юридическому снятию в России института сословных ограничений на права занимать должность в органах государственного управления. Таким образом, развитие образования, насущные потребности в квалифицированных кадрах и атмосфера начала буржуазных реформ во второй половине XIX в. открыли более широкий путь проникновению в ряды коронного чиновничества лиц из бывших податных сословий.

В начале XX в. наличие образования, особенно специального, становится главным требованием для поступающих на службу, тогда как сословный ценз играет все меньшую роль и официально устраняется в 1906 г. С этого года всем российским подданным были предоставлены равные права поступления на гражданскую службу независимо от происхождения. Сословные ограничения, заложенные изначально в законодательство о государственной службе, к началу XX в. в большинстве случаев утратили практическую целесообразность, стали анахронизмом. А образование, как институт и результат, стало одним из важнейших факторов, способствующих размытию сословной замкнутости чиновничества как профессиональной группы, формировавшейся преимущественно из дворян.

---

³ Уставы о службе гражданской. Ст. 5.

Исследование А. А. Бутусовой (2006) кадрового состава коронных учреждений в Курской губернии отчетливо показывает процесс «раздворянивания» государственной службы и ее демократизацию. Дворянство, занимавшее более половины всех бюрократических мест в Курской губернии в 1860-е гг., к началу XX в. сохранило за собой чуть более трети этих мест, причем должности низшего и среднего уровней занимали в основном обедневшие дворяне, искавшие на службе не столько почестей и карьерного роста, а прежде всего средства к существованию. Дворяне-землевладельцы все менее тяготели к бюрократической деятельности, поэтому служба на средних должностях в местном управлении перестала быть «джентльменским дворянским клубом», оставаясь таковым только для высшего провинциального чиновничества. Соответственно, в начале XX века социальный состав местной бюрократии оказался очень пестрым, в нем были в значительной мере представлены выходцы из всех основных социальных слоев империи, что, несомненно, сказывалось на повседневных традициях и служебном быте чиновничества. Как справедливо отмечалось многими исследователями и современниками, лица недворянского происхождения относились к службе более ревностно, так как служба была единственной возможностью содержать себя и семью, возможностью «выбиться в люди». Такая мотивация доминировала и в среде перебравшихся в город и поступивших на службу разорившихся потомственных помещенных дворян, в среде личных или потомственных дворян, получивших дворянство беспорочной службой или орденом. Таким образом, чиновничество постепенно становилось межсословной группой, утрачивающей исключительно продворянский характер и приобретающей и укрепляющей свои новые традиции и интересы.

В историографии существуют разные подходы к стратификации российского чиновничества. В одном из вариантов его делят на служащих государственных (военные и гражданские), частных, общественно-самодеятельных и церковных канцелярий. И хотя они, с точки зрения управления, исполняли подчас тождественные служебные функции, их социальное положение не всегда было идентичным. Скажем, получение выгодного места на государственной службе часто было связано с протекцией, взяткой или долгой изматывающей службой, а на частном предприятии – с личной инициативой, предприимчивостью, новаторством, причем материальное обеспечение чиновников этого вида, особенно нижнего и среднего звеньев, было, как правило, выше, чем обеспечение государственных служащих (Фидарова 2009, 17). По месту службы логично делить провинциальное чиновничество на губернское и уездное, внутри этих групп складывались свои функциональные категории. Так, в категорию уездных служащих, количество и разнообразие которых было значительно меньше, чем губернских, входили высшие должностные лица уездов, руководители уездных и представители губернских учреждений, уездные служащие-

специалисты (земские начальники, мировые судьи, члены земских и городских управ, бухгалтеры, кассиры и др.), служащие низшего звена (полицейские, приставы, секретари, архивариусы и др.) (Шатохин 2011, 260–261).

Динамика численности чиновников определялась изменениями в штатном расписании губернских и уездных учреждений, реформированием системы государственного и местного управления. В период с 1892 по 1914 г. численность чиновничества возросла в Курской губернии на 83,3 % (1892 г. – 845 чел., 1914 г. – 1549 чел.). Высокий рост численности обусловлен бурным ростом мелкого чиновного люда, число которого увеличилось за данный период на 169,8 %. Соотношение числа губернских и уездных чиновников составляло примерно 3 к 7 (Шатохин 2011, 262). Подавляющее большинство представителей коронного чиновничества губернского и уездного уровней проживало в городах, составляя хоть и небольшую, но весьма значимую группу городского населения.

В первой половине XIX века большую часть чиновничества мало интересовала служба ради службы, ради обеспечения благополучия и законности в стране. Верхушка губернских чиновников рассматривала ее как дополнительное средство обогащения, а у чиновников низшего ранга не было ни возможности, ни желания честно заниматься службой, поскольку вся их деятельность была направлена на получение минимума средства к существованию (Морякова 1993, 32–33). Примеры нравственного образа «небедствующего» чиновника встречаем в произведениях русских классиков. В «Мертвых душах» Н. В. Гоголя в губернском городе N про полицмейстера сказано: «Вообще он сидел, как говорится, на своем месте и должность свою постигнул в совершенстве». Казалось бы, порядок и закон правят жизнью в городе и служат укоренению в нем добрых и честных нравов при таком-то полицмейстере. Было бы так, если бы глава полиции не понимал должности по-своему: «...он был среди граждан совершенно как в родной семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался, как в собственную кладовую». Саркастически автор называет его «некоторым образом отцом и благотворителем в городе» (Гоголь 1951 [1842], 149). Если он отец и благотворитель, то что же остальные?

Недостаточное бюджетное финансирование и скудное существование в течение всего рассматриваемого периода вызывало всякого рода девиации в среде чиновничества. Пьянство и воровство были весьма распространенными явлениями. Так в своих воспоминаниях о курском чиновничестве 1860-х гг. И. Т. Плетнев писал: «Сама по себе порча нравов чиновничества не была органическим пороком, а развивалась постепенно, начиная с использования добродетельными приношениями, составлявшими важную помощь при скудном содержании полицейского чиновника... Все зло добродетельных деяний заключалось в том, что чиновники приучались к подачкам и обращали их в обяза-

тельный налог для жителей, увеличивая его размер путем недобросовестного нажима, заключавшего все признаки вымогательства» (Плетнев 1915, 659). Б. К. Кукель, назначенный в 1862 г. управляющим акцизными сборами и организатором «нового дела» в Курской губернии, так вспоминал спустя 30 лет эпоху уничтожения винных откупов: «Те, кто были свидетелями откупной оргии, вероятно не забыли ее до сих пор; откуплено было не одно вино: на откупе состояли, за малыми исключениями, и администрация, и суды; в уездном городе не было служащего на государственной службе, который не получал бы положенной лепты деньгами и вином; никто не стеснялся брать “по чину”» (Кукель 1892, 178). Не стеснялись винные откупщики давать взятки и губернатору. Однако в истории правления курских губернаторов были и добросовестные служители верховной власти. Так, хорошо запомнился курянам строгостью, борьбой со взятками «рыцарски благородный и честный правитель» В. И. Дена (1861–1863 гг.). Для местного чиновничества он был чудаковатым и страшно опасным губернатором. Одним из ошеломивших государевых слуг случаем стал его вызывающий отказ принять взятку в 15 тыс. руб. от откупщиков. Попытался передать В. И. Дену на Пасху 1861 г. эти деньги председатель Казенной управы И. Я. Телешев. Позже он «уверял всех своих знакомых, что он никогда не мог себе представить подобной странности в новом губернаторе и что бывшие перед ним шесть губернаторов не только за это не обижались, но, совершенно напротив, находились с ним в самых дружеских отношениях» (Решетов 1885, 543-545).

Наличие в мемуарной литературе большого количества подобных примеров борьбы со взяточничеством и казнокрадством и просто описаний масштаба коррупции в 50-60-х годах XIX века, на наш взгляд, неслучайно. Именно в это время началась широкая очистительная борьба здоровых сил самой бюрократии с этими язвами, поддержанная буржуазными преобразованиями Александра II. Победить в полной мере эти болезни не удалось, однако, кроме существенного снижения масштабов взяточничества, было достигнуто главное – сформировано в общественном сознании однозначно негативное отношение к этим порокам чиновничества.

Содержание чиновников в российской провинции постепенно росло, в среднем, очень низкое в середине XIX века к началу XX века оно стало более приемлемым. Этот рост сделал службу в государственных учреждениях более престижной и помог правительству и обществу в борьбе со взяточничеством. Последнее являлось неотъемлемым атрибутом провинциального чиновничества до «великих реформ», а в рассматриваемый период пошло на спад. В источниках конца XIX – начала XX вв. уже нельзя встретить информацию о повальном и открытом взяточничестве, о публичном позитивном отношении к тем, кто брал подношения, а тем более вымогал взятки, используя служебное поло-

жение. Эта язва бюрократии в рассматриваемый период не была изжита. Она перестала быть публичной, приобрела латентный характер.

Будучи гимназистом в городе Короча Курской губернии, С. А. Туник (1892–1964) вспоминает своего учителя греческого языка, который пользовался большим уважением среди жителей города. Владелец магазина Парманин часто угощал своего постоянного покупателя, так же как и посещающего магазин исправника. «Икорочка-с получена», – докладывал Парманин. Затем следовало приказание приказчику: «Поддай икорочки и зельтерской». «Парманин торговал на законном основании водкой, но распивать таковую в магазине воспрещалось, и поэтому водка приносилась уже налитая в чайные стаканы и именовалась зельтерской. Таким же путем она преподносилась и самому исправнику, когда он заходил попробовать какие-нибудь закуски. Исправник должен был следить за исполнением закона, но ведь “зельтерская” – не водка. Конечно, это было угощение, а не продажа» (Туник 2010, 127). И учителя гимназии, и приказчика владелец магазина встречал с почестями и угощениями. Оба они были представителями государственной службы, но если уважительное отношение к учителю строилось на личной симпатии, то соответствующее отношение к исправнику было большей частью продиктовано желанием угодить ему как представителю закона, являлось своеобразной скрытой взяткой за лояльное отношение к нарушениям закона владельцем магазина.

На состояние быта и поведение чиновников в значительной мере оказывало влияние материальное положение, которое для основной массы чиновничества было крайне тяжелым, за исключением высшей его группы. Например, оклад младшего чиновника губернского правления в начале XX века в 30 раз уступал окладу губернатора (по штатному расписанию). Эта разница в действительности была значительно больше, если учесть, что многие губернаторы (как и вся бюрократическая элита) получали разного рода дополнительное содержание (Проскуракова 2010, 90). Получая мизерные оклады, титулярные советники, коллежские регистраторы, губернские секретари жили, как гоголевский Акакий Акакиевич: «...снимали комнату на 3-4 этаже, сотнями бегали... по направлению к разным департаментам, и в четвертом пополудни... они возвращались домой из своих присутствий с портфелями под мышкой». Даже относительно состоятельные чиновники полиции испытывали материальные затруднения. Так, в начале XX в. *содержание пристава в городе Курске составляло 750 рублей в год и 300 рублей на содержание канцелярии, помощника пристава – 500 рублей. После революции 1905-1907 гг. служащие на местах были недовольны окладами содержания, потому что очень поднялись цены на продукты. «Получая 15 рублей в месяц... поденщики зарабатывают 25-30 рублей, а мастеровые все 50 рублей, а то и больше, большинство полицейских смотрят на свою службу как на переходную стадию и при первой возможности пристраиваются на лучшие оплачиваемые места»*

(Цит. по: Степанова 2012). В 1908 г. курский губернатор предложил изменить оклады содержания чинам полиции города. Его проект предусматривал приставам увеличить содержание до 1200 рублей, канцелярские расходы до 600 рублей, квартирные – до 487 рублей, разъездные – до 300 рублей; помощникам пристава, соответственно, содержание – до 600 рублей, квартирные – до 300 рублей, на разъезды – до 180 рублей (Степанова 2012). Предпринимаемые меры по улучшению материального положения служащих органов полиции были недостаточными, так как существовало большое количество других низкооплачиваемых чиновников.

Значительные сдвиги в развитии провинциальной бюрократии в пореформенный период привнесли существенные изменения в ее социокультурный облик. Однако, поскольку государственная служба в рассматриваемый период освобождалась, но окончательно не освободилась от сословных традиций, повседневная жизнь провинциальных чиновников определялась, с одной стороны, их «родовыми традициями» и размерами семейного имущества, а с другой – спецификой профессиональной деятельности. В любом случае чиновников условно можно разделить на две группы: 1) пытавшихся вести «благородный» образ жизни, соответствуя эталонам высшего сословия, и 2) унаследовавших привычки, нравы и проблемы низших сословий. Во втором случае можно говорить о ряде общих для всех чиновников примет повседневности. К ним относились необходимость терпеть скептическое отношение со стороны окружающих, малоподвижный образ жизни, наличие устоявшегося рабочего графика, зависимость самооценки от места в иерархии чинов и званий. По мере профессионализации чиновничества последние приметы должны были приобретать все большее значение.

Обстоятельства рабочих будней, невысокий уровень жизни большинства чиновников влияли как на их повседневную жизнь, так и на менталитет: «...в чиновном мире наблюдалась значительная простота в жизни, начиная с платья и до последней мелочи в обиходе, расчетливость и бережливость были на первом плане, и неудивительно, что при маленьком содержании чиновники ухитрялись откладывать сбережения про черный день» (Плетнев 1915, 735).

От сословного происхождения, ранга и уровня доходов чиновника зависело проведение им досуга. Чиновник, имевший высший чин, мог себе позволить посещение клубов, ресторанов, театров, балов и т.д. Многие из них увлекались игрой в крокет, бильярд, ну и, конечно, карточными играми, которые занимали огромное место в быту имущих и образованных слоев общества XVIII – начала XX вв. Такой способ проведения внеслужебного времени диктовался во многом сложившимися в этом кругу традициями. Его состав постоянно менялся (чиновники меняли место жительства, социальный статус, выходили в отставку, умирали), менялись и традиции под влиянием моды, личные интересы

участников, особенно формальных лидеров. Если начальственное лицо любило карточную игру, то ближайшие подчиненные вынуждены были для поддержания своего статуса садиться за карточный стол. Если начальник любил музицировать, то подчиненные либо брались за разучивание инструментальных пьес или вокальных партий, либо становились благодарными и восторженными слушателями и ценителями таланта начальника.

Особенности проведения досуга, как и в целом повседневной жизни, зависели и от места проживания чиновника или любой другой социальной группы. Жизнь в губернском городе заметно отличалась от жизни в уездном городе, в то время как сами уездные города могли существенно отличаться друг от друга в социально-экономическом плане, что отражалось в повседневной жизни горожан. В воспоминаниях современника, земского статистика А. Дунина, мы находим интересное описание уездного города Путивля Курской губернии, который привлек внимание автора живописными окрестностями и богатым историческим прошлым. «...маленький и захудалый городок... Собор, несколько церквей, монастырь, около 1 ½ тысячи домов и домиков – вот и весь город... Посредине города – как и во всех уездных городах – базар, раскинувшийся на обширной площади, покрытой навозными кучами. На базаре с утра и до вечера слышны крики и брань торговков и подвыпивших крестьян. Есть на площади и «гостиный двор», пестреющий вывесками купцов, трактир с номерами для приезжающих. Трактир – типа 60-х годов прошлого столетия, в каких любили останавливаться старосветские Чичиковы и Ноздревы» (Дунин 1908, 463). Трактиры представляли собой относительно дешевые рестораны, нередко объединенные с гостиницами, служившие не просто для «приема пищи» или горячительных напитков, но и для душевного времяпрепровождения, дружеских бесед, чтения газет.

А. Дунин пишет, что «уездная жизнь засасывает человека невероятно... заживаться здесь “приезжему человеку” дольше, чем следует, опасно». «Но хорошо пожить здесь недолго... Какой контраст между шумными пыльными улицами столицы и тихого зеленого городка!». В таком тихом и спокойном городке, как Путивль, жизнь ведется «обстоятельная». «После обеда, по старинке, сон. Чиновник ли, ежедневно рассматривающий дела разных Довгочунов и Перепенков, земец ли, мечтающий через тысячу лет покрыть мужицкие хаты черепичными крышами, «коммерсант» ли, поджидающий к следующему базару наезда Коробочки с разной «живностью», адвокат ли, – все, до городского на улице включительно, погружаются в сладкий послеобеденный сон» (Дунин 1908, 464). Однако даже «в этой идиллии тишины и покоя многое уже меняется. Наблюдаются мотивы жизни больших городов...» (Дунин 1908, 465). Несмотря на особые недостатки в жизни уездного города, А. Дунин выделяет в Путивле такое «культурное удобство», как городская публичная библиотека, которая «может померяться своими книж-

ными богатствами не только с губернскими, но, по некоторым отделам, и с императорскими публичными библиотеками» (Дунин 1908, 467).

Для грамотных горожан, в том числе и для провинциальных служащих, чтение в свободное время было одним из приятных форм проведения досуга. В условиях модернизации общества не только интерес, но и производственная необходимость в получении определенных знаний диктовали потребность к освоению литературы. Подтверждением могут служить данные по библиотекам города Курска. Деятельность публичной Семеновской библиотеки и Пушкинской народной библиотеки, открывшихся в Курске в конце XIX в., была ориентирована на различные социальные слои населения с их культурными запросами. Данные отчетов общества платной Семеновской библиотеки свидетельствуют, что на протяжении четырех лет, с 1901 по 1904 г., библиотека оставалась достаточно популярной среди служащих на общественной и частной службе (около 25 % всех посетителей), которые по количеству посещений занимали второе место после учащейся молодежи (37 % в 1904 г.). Значительную и относительно стабильную группу читателей составляли лица без определенных занятий и чиновники.⁴ В Пушкинской же библиотеке в 1901 г. большую часть посетителей читальни составляли учащиеся, но в 1903 г. они уступают по численности таким категориям, как «служащие в различных учреждениях и лица свободных профессий», «ремесленники, мастеровые и фабричные рабочие».⁵ Несмотря на то, что активных читателей городских библиотек в начале XX в. было совсем немного (в г. Курске 4 % грамотного населения), культура чтения постепенно становится частью городского образа жизни.

В конце XIX в. идет активизация общественной жизни в провинции. Вне зависимости от ранга и дохода чиновники так же, как и представители других сословных и социальных групп, принимают участие в деятельности различных обществ и благотворительных учреждений. Это участие влияло как на культурный облик городов, так и на образ жизни и формирование духовных потребностей активистов этих обществ. Несмотря на то, что чиновничество составляло не столь многочисленную группу, оно играло важную роль в общественной и публичной жизни города.

---

⁴ Отчет правления о деятельности курской Семеновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1901 г. С. 10, С. 6; Отчет правления о деятельности курской Семеновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1903 г. С. 4.

⁵ Отчет правления о деятельности курской Семеновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1901 г. С. 21; Отчет правления о деятельности курской Семеновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1903 г. С. 13.

Во второй половине XIX – начале XX века в жизни чиновничества произошли существенные, качественные сдвиги. Конечно, о полном преобразении провинциального чиновничества говорить не приходится. С одной стороны, в этой среде оставались пережитки корпоративных традиций, не отвечавшие требованиям модернизации. Среди них сильная личная зависимость подчиненных от начальства, фактически предусмотренная законодательством, значительная полицейская опека и надзор за «благонадежностью», большая роль протекции при устройстве на службу и т.д. С другой стороны, стали проявляться и набирать силу те новации, которые были рождены модернизационными преобразованиями. Бюрократия становилась не столько внесловной, сколько надсловной социально-профессиональной группой. Были сняты сословные ограничения на доступ в эту группу. Однако возникли новые препятствия, обусловленные требованиями к образовательной подготовке из-за набиравших силу профессионализации и специализации управленческой деятельности. С середины XIX века российское общество вступило в эпоху буржуазной модернизации, а потому не могло мириться со средневековыми пороками чиновничества, особенно с его пристрастием к «безгрешным доходам». Общество стало открыто и настойчиво предъявлять претензии чиновничьему корпусу, и это могло со временем не могло не оказать благотворное влияние на очистительный процесс в систему государственного управления. В среде российской бюрократии, в том числе и провинциальной ее части, стала формироваться и крепнуть устойчивая тенденция к изживанию коррупционных пороков. Изменение социального облика чиновников, рост их образовательного и культурного уровня привели к возникновению новых ценностных установок и мотивов в жизни государевых слуг. Выявленные изменения настолько очевидны, что позволяют говорить о разрушении прежних традиций в служебной и внеслужебной повседневности и формировании новых. Основным фактором, определявшим эволюцию российской бюрократии, стала модернизация российского государства и общества.

Библиография

- Архипова, Т. Г., М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. 1999. *История государственной службы в России. XVIII – XX века*. М.: РГГУ.
- Бутусова, А. А. 2006. *Провинциальное чиновничество России в 1861–1917 гг.: на примере Курской губернии*. Дисс. канд. ист. наук, Курский гос. университет.
- Гоголь, Н. В. 1951 [1842]. *Мертвые души*. В Н. В. Гоголь. *Полное собрание сочинений*. В 14 т. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР.
- Дрыгина, Н. Н. 2010. *Исторический опыт формирования регионального аппарата государственного управления в Нижнем Поволжье во второй*

- половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук, Астраханский гос. университет.
- Дунин, А. 1908. Путивль (из памятной книги земского статистика). *Русская старина* 2: с. 463–468.
- Кукель, Б. К. 1892. Из эпохи уничтожения откупов (воспоминания первого, по времени назначения, акцизного чиновника, 1862–1863 гг.). *Русская старина* 1: с. 177–189.
- Мельников, В. П., В. С. Нечипоренко. 2003. *Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность*. М.: РАГС.
- Миронов, Б. Н. 1990. *Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие*. Л.: Наука.
- Морякова, О. В. 1993. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы. *Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История* 6: с. 28–38.
- Отчет правления о деятельности курской Семеновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1901 г. Курск: Тип. губерн. земства, 1902.
- Отчет правления о деятельности курской Семеновской публичной библиотеки и Пушкинской бесплатной народной библиотеки-читальни при ней за 1903 г. Курск: Тип. губерн. земства, 1904.
- Пак, М. Е. 2006. Служащие московских промышленных предприятий в конце XIX – начале XX вв. *Отечественная история* 2: с. 26–35.
- Писарькова, Л. Ф. 1995. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века. *Человек* 3: с. 121–139.
- Плетнев, И. Т. 1915. Воспоминания шестидесятника. В Курской губернии. *Наша старина* 7: с. 656–664.
- Проскуракова, Н. А. 2010. *Россия в XIX веке: государство, общество, экономика*. М.: Дрофа.
- Решетов, Н. А. 1885. Дела давно минувших дней. *Русский архив* 12: с. 543–547.
- Степанова, Е. И. 2012. Финансирование и материально-техническое обеспечение уездной полиции Курской губернии в середине XIX – начале XX века. *Ученые записки / электронный научный журнал Курского государственного университета* 1 (21). Дата обращения 05.08.2012. www.scientific-notes.ru/pdf/023-012.pdf.
- Туник, С. А. 2010. *Белогвардеец: Воспоминания о моем прошлом*. Сост., подгот. текста, послесловие Г. С. Туник-Роснянской. М.: Русский путь.
- Уставы о службе гражданской. В кн. *Свод Законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный*. Т. 3. С. 7–758. СПб., 1857.
- Устав о службе по определению от Правительства. В кн. *Свод Законов Российской империи*. Т. 3. С. 1–179. СПб., 1896.
- Фидарова, К. К. 2009. Жизненный мир чиновничества Тверской области в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук, Северо-Осетинский гос. университет им. К. Л. Хетагурова.
- Шатохин, И. Т. 2011. «В чиновничьем мире все свое, все оригинальное и нет ничего заимствованного...». Служебная повседневность провинциального чиновничества. В кн. В. А. Шаповалов, И. Т. Шатохин, отв. ред. *Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв.* С. 258–283. Белгород: НИУ «БелГУ», ООО «ГиК».

Шепелев, Л. Е. 1991. *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи*. Л.: Наука.

References

- Arkhipova, T. G., M. F. Rumiantseva, A. S. Senin. 1999. *Istoriia gosudarstvennoi sluzhby v Rossii. XVIII – XX veka [The History of State Service in Russia from the Eighteenth through the Twentieth Centuries]*. Moscow: RGGU.
- Butusova, A. A. 2006. "Provintsial'noe chinovnichestvo Rossii v 1861–1917 gg.: na primere Kurskoi gubernii [The Provincial Officialdom of Russia in 1861–1917: Based on the Kursk Guberniia Materials]." Kandidat ist. nauk Diss., Kursk State University.
- Drygina, N. N. 2010. "Istoricheskii opyt formirovaniia regional'nogo apparata gosudarstvennogo upravleniia v Nizhnem Povolzh'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Historical Experience of Constructing the Regional Apparatus of State Government in the Lower Volga Region in the Second Half of the Nineteenth to the Early Twentieth Cent.]." Avtoreferat (Summary) of the Kandidat ist. nauk Diss., Astrakhan State University.
- Dunin, A. 1908. "Putivl' (iz pamiatnoi knigi zemskogo statistika) [Putivl (From an Agenda Book of a Zemstvo Statistician)]." *Russkaia starina* 2: 463–468.
- Fidarova, K. K. 2009. "Zhiznennyi mir chinovnichestva Tverskoi oblasti v kontse XIX – nachale XX vv. [Life of the Tver Region Officialdom in the Late Nineteenth through the Early Twentieth Cent.]." Avtoreferat (Summary) of the Kandidat ist. nauk Diss., The K. L. Khetagurov North Ossetian State University.
- Gogol, N. V. 1951 [1842]. "Mertvye dushi [Dead Souls]." In N. V. Gogol'. *Polnoe sobranie sochinenii [Collected Works]*. In 14 Vols. Vol. 6. Moscow: The USSR Academy of Sciences Press.
- Kukel', B. K. 1892. "Iz epokhi unichtozheniia otkupov (vospominaniia pervogo, po vremeni naznachenii, aktsiznogo chinovnika, 1862–1863 gg.) [From the Times of the Buy-out Elimination (Memoirs of the First, According to the Time of Assignment, Exciseman, 1862–1863)]." *Russkaia starina* 1: 177–189.
- Mel'nikov, V. P., V. S. Nechiporenko. 2003. *Gosudarstvennaia sluzhba v Rossii: otechestvennyi opyt organizatsii i sovremennost' [The State Service in Russia: The Organization Experience and the Modern Times]*. Moscow: RAGS.
- Mironov, B. N. 1990. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie [A Russian City from 1740 through 1860s: The Demographic, Social and Economic Development]*. Leningrad: Nauka.
- Moriakova, O. V. 1993. "Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroi chetverti XIX veka: sotsial'nyi portret, byt i nrawy [The Provincial Officialdom of Russia in the Second Half of the Nineteenth Century: The Social Portrait, Way of Life and Morals]." *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 8. History* 6: 28–38.
- Otchet pravleniia o deiatel'nosti kurskoi Semenovskoi publichnoi biblioteki i Pushkinskoi besplatnoi narodnoi biblioteki-chital'ni pri nei za 1901 g. [The Board 1901 Report on the Activities of the Semenov Kursk Public Library and the Related Pushkin Free People's Library-chitalnia]. Kursk: Tip. gubernskogo zemstva, 1902.
- Otchet pravleniia o deiatel'nosti kurskoi Semenovskoi publichnoi biblioteki i Pushkinskoi besplatnoi narodnoi biblioteki-chital'ni pri nei za 1903 g. [The Board 1903 Report on the Activities of the Semenov Kursk Public Library and the

- Related Pushkin Free People`s Library-chitalnia]. Kursk: Tip. gubernskogo zemstva, 1904.
- Pak, M. E. 2006. "Sluzhashchie moskovskikh promyshlennykh predpriatii v kontse XIX – nachale XX vv. [The Office Workers of Moscow Industrial Enterprises in the Late Nineteenth to the Early Twentieth Cent.]." *Otechestvennaia istoriia* 2: 26–35.
- Pisar'kova, L. F. 1995. "Rossiiskii chinovnik na sluzhbe v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka [A Russian Official on Duty in the Late Eighteenth through the First Half of the Nineteenth Cent.]." *Chelovek* 3: 121–139.
- Pletnev, I. T. 1915. "Vospominaniia shestidesiatnika. V Kurskoi gubernii [The Memoirs of a Shetidesiatnik. In the Kursk Province]." *Nasha starina* 7: 656–664.
- Proskuriakova, N. A. 2010. *Rossiiia v XIX veke: gosudarstvo, obshchestvo, ekonomika [Russia in the Nineteenth Century: The State, Society, Economy]*. Moscow: Drofa.
- Reshetov, N. A. 1885. "Dela davno minuvshikh dnei [The Deeds of Bygone Days]." *Russkii arkhiv* 12: 543–547.
- Shatokhin, I. T. 2011. "V chinovnich'em mire vse svoe, vse original'noe i net nichego zaimstvovannogo...". Sluzhebnaia povsednevnost' provintsial'nogo chinovnichestva [The Officialdom World Has Everything Its Own, All is Original, and There Is Nothing Borrowed'. The Service Everyday Life of the Provincial Officialdom]." In V. A. Shapovalov and I. T. Shatokhin, ed. *Transformatsiia provintsial'noi povsednevnosti v usloviakh modernizatsionnogo razvitiia Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [The Transformation of Provincial Everyday Life in the Conditions of Russia's Modernization Development in the Second Half of the Nineteenth through the Early Twentieth Cent.]*, 258–283. Belgorod: Belgorod National Research University, OOO "GiK."
- Shepelev, L. E. 1991. *Tituly, mundiry, ordena v Rossiiskoi imperii [Titles, Uniforms, Orders in the Russian Empire]*. Leningrad: Nauka.
- Stepanova, E. I. 2012. "Finansirovanie i material'no-tekhicheskoe obespechenie uezdnoi politsii Kurskoi gubernii v sredine XIX – nachale XX veka [The Funding and Material-Technical Maintenance of the Uezd Police of Kursk Province in the mid-Nineteenth through the Early Twentieth Cent.]." *Uchenye zapiski / elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* 1 (21). Accessed August 5, 2012. www.scientific-notes.ru/pdf/023-012.pdf.
- Tunik, S. A. 2010. *Belogvardeets: Vospominaniia o moem proshlom [A White Guard: The Memoirs about My Past]*, comp., prep. and afterword by G. S. Tunik-Rosnianskaia. Moscow: Russkii put'.
- "Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [The Civil Service Regulations]." In *Svod Zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem Gosudaria Imperatora Nikolaia Pervogo sostavlennyi [Digest of Laws of the Russian Empire]*. Sankt-Petersburg, Vol. 3. 1857.
- "Ustav o sluzhbe po opredeleniiu ot Pravitel'stva [Regulation on the Service by Government Appointment]." In *Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Digest of Laws of the Russian Empire]*. Vol. 3. Sankt-Petersburg, 1896.